

Вот уже несколько лет я читаю лекции по режиссуре в киношколе в Мюнхене — той самой, где я учился в начале 70-х годов. Я стараюсь сделать свои лекции как можно более практически, потому что все теоретические курсы, которые я прослушал в свое время, мало что мне дали. На самом деле настоящее обучение кино началось для меня только через несколько лет после школы — когда я стал кинокритиком.

Мне кажется, есть только два действительно правильных способа изучать постановку. Первый — делать фильмы. Второй — писать критические статьи о фильмах. Потому что, когда вы пишете, вам приходится анализировать показанное, препарировать и конкретно объяснять (на первый взгляд — читателю, но на самом деле — себе самому), почему фильм срывается или не срывается. Принципиальная разница между прохождением теоретического курса и написанием собственных статей — в том, что в последнем случае между вами и экраном устанавливается прямой контакт: вы говорите о том, что видите. В первом случае между вами и экраном — посредник-преподаватель, который объясняет вам, что вы должны видеть в этом кадре, или — еще хуже — что считают другие по поводу того, что вы должны видеть в этом кадре. Поэтому я не рекомендую изучать кино этим методом.

ЖЕЛАНИЕ РАССКАЗЫВАТЬ

Больше всего в сегодняшних молодых кинематографистах и студентах киношколы меня поражает то, что они не хотят учиться на короткометражных фильмах. Они предпочитают снимать рекламу или клипы. Я понимаю, что это результат изменения аудиовизуального пейзажа. Эти ребята выросли в культурной среде, где иные приоритеты, нежели у моего поколения. Но здесь-то и возникает проблема. В музыкальном или рекламном клипе иначе трактуется категория сюжета, нежели в короткометражном фильме. У меня порой складывается впечатление, что молодое поколение забывает, что это такое — рассказать историю. Они работают с образами, которые самодостаточны. Не хочу обобщать, но мне кажется, что им всегда хочется придумать новый кадр, потрясти зрителя чем-то еще невиданным. Для них порой визуальный гэг — достаточная причина для того, чтобы снять фильм. Но мне кажется, что для режиссера-постановщика должна быть важна история. Прежде всего он должен иметь что сказать и иметь желание рассказывать.

Впрочем, и сам я пришел к этому заключению не очень давно. По правде говоря, когда я дебютировал в режиссуре, мне тоже было плевать на сюжет, и по тем же причинам. Для меня главным в кино был образ. Оправданность образа — оправданность ситуации. Но не сюжет! Сама идея стройной, выверенной интриги казалась мне чуждой. В крайнем случае, череда разных ситуаций могла сформировать сюжет, но я никогда не видел свои фильмы как четкие структуры с началом, серединой и концом. И только, когда я снимал "Париж, Техас", я сделал удивительное открытие. Я понял, что история — как река, и если режиссер рискнет спустить в нее свою утлую лодочку-фильм, река может принести его к чему-то волшебному. До этого момента я боялся позволить себе плыть по течению, всегда барахтался в лагуне возле берега, потому что не был в себе уверен. И только на этом фильме я понял, что все истории — там, что они живут помимо нас. Необязательно их создавать, они существуют, пока существует человечество. Достаточно просто позволить течению нести тебя. И с того дня моей целью постепенно стало рассказать историю, а красивые образы отошли на второй план. Порой они даже становились препятствиями. В начале карьеры лучшим комплиментом я считал утверждение, что в моем фильме есть красивые образы. Если мне это говорят сегодня, я начинаю беспокоиться, не снял ли провальный фильм.

ФИЛЬМ: ЗАЧЕМ И ДЛЯ КОГО

Есть два пути снимать фильм. Первый — с самого начала четко и ясно знать, что ты будешь снимать, что ты этим хочешь сказать и как это должно подействовать на зрителей. Второй — снимать фильм, чтобы понять, что же ты ищешь и пытаешься сказать. Я практиковал оба варианта работы, вернее, постоянно между ними разрывался. Мне доводилось снимать очень скрупулезно прописанные сценарии, которым я дотошно следовал. Я делал и проекты, на которых в первый день съемок у меня была лишь отправная идея, и я послушно плыл по течению на протяжении всего съемочного периода. Такие кинопроекты — в некотором роде авантюры; думаю, мне они нравятся больше всего.

Я люблю, когда у меня есть возможность выбирать, исследовать, изменять курс событий. Конечно, это самый роскошный вариант — когда все снимается в хронологическом порядке, когда есть время на то, чтобы подумать и попробовать разные версии. Конечно, такое случается не часто, и обычно мы имеем дело с классическим вариантом — когда снимаешь заранее продуманные и подготовленные сцены. Это менее волнительно и более надежно. Наверное, то, как ты делаешь фильм, в основном зависит от того, зачем и для кого ты его делаешь. Как это выяснить? Я

полагаю, что тот, кто снимает фильм ради образов, делает его прежде всего для себя. Потому что идеальный образ, вернее эмоциональное путешествие, порожаемое образом, — это все-таки довольно нарциссический акт. А рассказ — это по определению акт коммуникации. Если ты хочешь рассказать, тебе нужна публика. Чем больше мне хотелось рассказывать, тем более зрительские фильмы я делал. Хотя я вряд ли смогу определить, что такое "зритель" или "публика". Наверное, это хотя бы чуть более широкая аудитория, нежели твоя съемочная группа.

НУЖНО ПРОЖИТЬ СЦЕНУ

Когда я снимал свои первые фильмы, каждый вечер очень тщательно готовился к тому, что мне предстояло назавтра. Я рисовал кадры, довольно детально, почти как раскадровки. Когда я приходил на площадку, точно знал, сколько планов мне нужно снять и как. Обычно я начинал с подготовки кадра, потом я размещал в нем актеров и объяснял им, что нужно делать и как двигаться.

Постепенно я почувствовал, что эти приготовления загоняют меня в клетку. А потом, незадолго до съемок "Парижа, Техаса", мне довелось поставить пьесу в театре, и этот опыт кардинально изменил мою работу и заставил гораздо больше внимания уделять актерам. Наконец-то я смог понять и оценить лицедейство! С тех пор я работаю прямо противоположным методом: монтаж рождается из действия, а не наоборот. Я прихожу на площадку девственно чистым, без малейшего представления о том, как будет выглядеть сцена. Только после того, как я начинаю работать с актерами, после того, как они обживутся в декорациях и определяются с перемещениями по площадке, я начинаю прикидывать, как мне лучше поставить камеру. Конечно, при таком методе работы нужно больше времени, потому что невозможно ставить освещение прежде, чем станет ясно, что и где освещать. Но я чувствую, что с каждым годом мне все сильнее нужно "проживать" сцену для того, чтобы ее поставить. Даже во время подбора натур для съемок, даже в пустых декорациях я не могу заставить себя прикидывать, как я буду снимать будущую сцену.

редной план, я мысленно говорил себе, что ничего не получится. Эту сцену нельзя начинать с трэвеллинга. Этот план нельзя снимать с такого расстояния. И разумеется, практически всегда я ошибался. Антониони снимал сцену по-своему, и она функционировала. Он делал все совершенно иначе, чем я, и тем не менее все срабатывало — но не по-моему, а по его, и получалось здорово. Это сильно помогло мне — я избавился от жестких правил, которые когда-то сам себе навязал. Например, я отказывался пользоваться зумом. Зум был моим врагом. У меня была теория, согласно которой камера должна была функционировать как человеческий глаз. А поскольку глаз не обладает способностью зума, значит нужно для укрупнения пользоваться трэвеллингом. И вот, к моему величайшему ужасу, я обнаружил, что Антониони почти все снимает на зуме! И порой результат получался весьма впечатляющим.

Еще один пример: я всегда отказывался снимать с двух камер. Мне казалось, что вторая будет мешать первой. А Антониони требовал, чтобы каждую сцену снимали как минимум с трех камер! И снова я видел, что в большинстве случаев все получается хорошо. Поэтому я вынес из этого проекта ощущение огромной свободы в постановочных средствах, и теперь говорю, что все режиссеры должны через это пройти: посмотреть, как работает другой режиссер, как он ставит ту сцену, которую ставили они. Это открывает двери, показывает альтернативы, хотя поначалу такой опыт сильно обескураживает.

СЕКРЕТЫ, ОПАСНОСТИ, ЛОВУШКИ

Основной секрет, открытый мной на площадке, касается актеров. Как правило, их режиссер боится больше всего, и отчаянно ищет универсальные методы работы с этими священными чудовищами. Секрет заключается в том, что такого метода не существует. Каждый актер работает по-своему, и поэтому сколько актеров, столько и методов. Единственное, что стоит сделать на площадке, — позволить им почувствовать себя в своей тарелке, чтобы постепенно они перестали играть, то есть притворяться кем-то, и стали

Вим Вендерс: "Чем меньше бюджет, тем больше вес режиссера"

ЕДИНСТВЕННЫЙ СПОСОБ СНИМАТЬ?

Каждый режиссер-постановщик пользуется собственной кинограмматикой. Той, которой его научили, или той, которую придумал он сам. В начале моя кинограмматика была копией американской — своими учителями я считал Энтони Манна и Николаса Рэя. Но потом я постепенно начал чувствовать, что становлюсь пленником определенных правил и догм, и начал изобретать их заново. Думаю, другие режиссеры учатся, работая ассистентами великих постановщиков. Мне довелось пережить этот опыт довольно поздно, два года назад, когда я работал помощником Антониони на фильме "Над облаками". Разумеется, я практиковал иной подход, нежели обычный ассистент, — во-первых, потому что я принимал участие в написании сценария, во-вторых, потому что до этого я поставил много фильмов. И каждое утро, проходя на съемочную площадку, я не мог не думать, как бы я распорядился актерами и декорациями. Насколько я помню, каждый раз, когда Антониони готовил оче-

самими собой. Ведь вы выбираете актера за то, кто он есть, так постарайтесь организовать дело так, чтобы он стал самим собой. А для этого он должен доверять вам даже в самой щекотливой ситуации.

А основная опасность — в неумении соотносить собственный вес и вес проекта. Чем меньше бюджет, тем больше вес режиссера. Чем дороже фильм, тем больше шансов стать его рабом. За определенной чертой ваши амбиции могут вернуться против вас и стать залогом поражения.

Что касается ошибок, их невероятно много, и я, кажется, совершил все, какие только можно. Но, наверное, самая страшная — верить, что нужно показывать то, о чем ты рассказываешь. Особенно в области насилия. Оставьте его за кадром — чем умнее зритель, тем страшнее ему будет!

МЮНХЕН

Экран и сцена —